

ТЫ НЕ СТАЛ СВОБОДНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, ТАРАНДА!

— КРОМЕ ЛЬДА, В МОЕЙ ЖИЗНИ НИЧЕГО БОЛЬШЕ НЕТ. УТРОМ ДОЧКА (ЕЙ ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ ГОДИКА) ПРИХОДИТ КО МНЕ, ОБНИМАЕТ И ГОВОРИТ: «ПАПУЛЕЧКА, МИЛЕНЬКИЙ, ТЫ СЕГОДНЯ НЕ УЙДЕШЬ НИКУДА?»

Мы с ней целуемся, завтракаем вместе, она танцует для меня «Шелкунчик» и спрашивает со слезами на глазах: «Папулечка, у тебя скоро каникулы будут?» Я выхожу на лед с тяжелым сердцем. Утром обычно тренируюсь один и вечером — с Ирой. Домой приезжаю ночью,

часа в два — настоящая ледовая каторга! И так каждый день. Я уже притащил сюда из дома кресло, какие-то тарелочки, коврики. Завтракаю, обедаю, ужинаю — все здесь. Стоит только надеть коньки, ноги сразу же затекают. Пальцы болят, суставы ноют, колени трещат... Я тридцать-сорок минут должен раскатываться, чтобы эти мучения прошли. Поэтому я два года категорически отказывался от участия в проекте. Ну не мое это! Меня, можно сказать, заставили выйти на лед. Сказали: «Таранда, отнесись к нам по-человечески, по дружбе просим!» Ну, как тут не согласиться?

Профессия помогает в фигурном катании?

Скорее, наоборот. В балете центр тяжести держится на полупальцах, а в фигурном катании это исключено. Он на центре стопы, даже чуть смещен назад. Я, когда выхожу на лед, падаю — зубец втыкается в лед. Очень трудно себя побороть. Жулин мне как-то сказал: «Упади ты хоть раз назад!» А я не могу назад, не падается... То есть я падаю, падаю бесконечно, но или вперед, или набок.

Вам надо заказать специальные коньки — с зубцами на пятках.

А впереди круглые — отличная идея! Но я не уверен, что они подойдут для парного катания. Не будет гармонии.

А у вас со Слуцкой есть гармония?

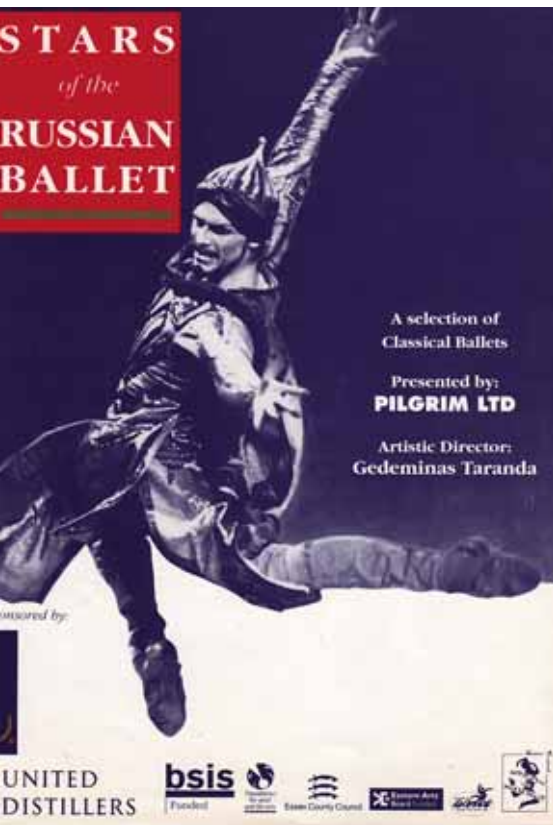
Ирина, конечно, не простой человек. У нее есть характер, к ней нужен особый подход. Найти его было непросто, но в конце концов мы поняли, что должны дополнять друг друга. Что не только мне предстоит учиться стоять на коньках, но и ей — искусству балета, парного катания (я считаю, что парное катание и балет — практически одно и то же). Ира — одиночница, ей все мешают. Ее надо ставить в хоккей — она там всех уберет и обгонит. «Что ты меня постоянно учишь? — возмущалась она, когда мы только начинали кататься. — Иди в свой балет и там учи!» Но я привык работать с женщинами, к капризам их привык. Поэтому через месяц мы уже пришли к пониманию того, что нам обоим предстоит сделать. Мое присутствие на льду перестало ее раздражать. Она перестала спорить, а я перестал взрываться.

По вам не скажешь, что вы — взрывной человек...

Не люблю себя, когда взрываюсь. Я становлюсь жестким и очень грозным на вид. Просто горю весь! Знаете, как шипит фитиль, когда его поджигают? Вот и я так — всех напугаю и затихну... Но обычно я долго терплю, и часто мое спокойствие переходит к Слуцкой. Партнеры, они, как муж и жена, должны учиться понимать друг друга и вместе находить компромиссы. Иначе пары не будет.

Тогда объясните, как вам удалось найти компромисс между борьбой и балетом? Вы ведь в детстве увлекались борьбой?

*Чтобы не играть,
а жить на сцене,
Гедиминасу
приходилось
репетировать
до самой ночи*

«Я НЕНАВИДЕЛ КЛАССИКУ! МАЛЬЧИКИ В ЧУЛОЧКАХ НЕ ВЫЗЫВАЛИ ВО МНЕ ВОСТОРГА»

Дело в том, что все мальчишки с моего двора, а я жил в Воронеже, ходили заниматься танцами в Дом офицеров и каждый вечер могли бесплатно смотреть кино. А я тогда занимался борьбой и был вынужден платить двадцать пять копеек. Мне говорили: «Что ж ты дурак такой?! Записывайся в кружок — будешь ходить бесплатно». Я и подумал: почему нет? Представьте: балетный зал, большие светлые окна, красивые девчонки... А борцовский зал маленький, без окон, без дверей, кругом маты, и мужики на них друг другу уши мнут. Громадная разница! И я записался в танцевальный кружок, потом уже поступил в хореографическое училище.

А ребята со двора что же?

Их не приняли. Двор продолжал заниматься художественной самодеятельностью. Правда, взяли меня не на народное отделение, как я хотел, а на классическое. Я ненавидел классику! Мальчики в чулочках не вызывали во мне восторга. Сапоги, шаровары — вот это то, что было нужно! Но мне сказали, что на народном отделении нет мест. Ты, мол, поучись этот год, а потом мы тебя переведем...

На классическом отделении мне было скучно, и я трижды в неделю ходил учиться народным танцам — просто так, для себя, в чужие классы. После первого года обучения получил «три» по классике и «пять» по народным. И один из педагогов, Яков Лившиц, как-то спросил меня: «Хочешь поехать на конкурс в Москву?» Конкурс — это значит соревнование. Это мне было понятно, я выступал в соревнованиях по борьбе, поэтому согласился сразу же. «Даю тебе восемь месяцев, — сказал Лившиц. — Станешь лучшим по классике, поедешь в Москву». И мы ударили по рукам.

На конкурсе я получил одну из первых премий и в качестве приза — билет на «Спартак» в Большой театр. Васильев, Либа... Шестнадцать лет, мальчишка, я был в восторге! Встал на колени у бордюра, чтобы хоть что-то рассмотреть (билет, естественно, был на галерку). Эта картина и сейчас стоит передо мной: занавес еще закрыт, хрустальная люстра слепит глаза, а я замер и жду, когда откроется занавес... «Молодой человек, здесь нельзя на коленях стоять. Это Большой театр, это вам не что-нибудь!» Оборачиваюсь и вижу: старушка, работница театра. «Бабуля, пойми: я первое место взял

на конкурсе, но в жизни не видел балета!» Я вышел оттуда чеканутый! Прыгал и скакал на ветру в расстегнутой куртке, воодушевленный тем, что только что увидел... Вернувшись в Воронежское училище, я сказал: «Все, уезжаю в Москву». «И не думай, — ответили мне, — документы мы тебе не отдадим». Так, без документов, и приехал. Говорю: «Хочу у вас учиться!», а мне в ответ: «Поздно, молодой человек. Приемные экзамены закончились, в училище никого нет». Но не на того напали — я все равно пошел искать директора. Иду по коридору, вижу — навстречу мне женщина. «Что вам угодно?» — «С директором поговорить. Хочу у вас учиться танцевать как Васильев и Лиєпа». Словом, взяли меня в училище — как был, без документов...

А в Большом театре как оказались?

Выпускной экзамен. Распределение. Меня спрашивают: «Таранда, где вы хотите работать?» «В ансамбле Моисеева», — отвечаю. Я знал все номера из репертуара этого ансамбля и был уже готов ехать показываться, но меня остановили: «Юрий Григорович хочет, чтобы вы работали в его труппе. У вас есть московская прописка?» Только я раскрыл рот, чтобы признаться, что нет, Софья Головкина, директор нашего училища, ответила за меня: «Есть прописка». Так вопрос и решился. Если б не Софья Николаевна, не видать мне Большого театра, как своих ушей! Вообще-то я врун страшный, но иногда соврать не могу. Если спросят «кто разбил окно?», обязательно выйду и скажу: «Расстреливайте, это я...»

Что, действительно, врун?

Еще какой! Такое творил, когда учился... Нас из общепития на ночь отпускали только к родителям. А мои родители жили далеко от Москвы, в Воронеже. Так я раздобыл у своего друга обручальное кольцо, надел его на палец и говорю вахтерше: «Зинаида Ивановна, женился я, отпустите...» — «Как женился? Тебе же нет еще восемнадцати лет!» — «И ей нет, живет с родителями. Но беременная, вы же понимаете... Мы можем

Его стиль никто не мог повторить — он появился на стыке балета, борьбы и народного танца

видеться только по выходным». И получил от нее увольнительную на два дня. Через полгода эта новость дошла до моего дома, и мать прилетела разбираться. Насилу ее успокоил, что никакой жены нет.

А откуда у вас такое странное имя — Гедиминас?

Мама у меня — казачка, а отец — литовец. Он и придумал имена для нас с братом — Гедиминас и Витаутас. Теперь, чтобы никого из родителей не обидеть, Витусик называет своих детей русскими именами, а я свою дочку назвал Дэйманте (по-литовски это значит — жемчужина)... Вот такая у нас в семье сложилась традиция.

Вы помните свое первое выступление на сцене Большого театра?

Это произошло в 80-м году. Буквально через семь дней после того, как был принят в труппу, я танцевал ведущую партию в балете «Дон Кихот». До меня такого в Большом не было ни разу...

Бойсь, что такого не было вообще ни в одном театре.

Потому что это нереально! Год или два проходит, прежде чем молодому артисту рискнут доверить хоть какую-то роль. Если повезет, то лет через пять дадут что-то стоящее. Со мной же случилось вот что. Мой

педагог Анатолий Симачев, который должен был танцевать эту партию, готовил ее со мной еще в школе. Незадолго до спектакля он говорит руководству:

«Я не могу танцевать, у меня опухло колено. Ставьте Таранду». — «С ума сошел?! Он же мальчишка!» —

«Ну тогда отменяйте спектакль...»

Наступил мой звездный час, я — тореадор! Но перед своим дебютом — до того, как Симачев заболел, я должен был танцевать в массе тореадоров, идущих позади главного. И вот я впервые в жизни выхожу на сцену Большого театра. Через два дня у меня сольная партия. Надел шерстянки (вязаные чулки, чтобы не остывали мышцы ног — мамин подарок), зашнуровал ботинки, стою, разогреваюсь... Объявляют наш выход. Я скидываю халат, пытаюсь снять шерстянки, а они не снимаются! Ботинки тоже снять не могу — шнурки завязал на два узла, чтобы не развязались, концы обрезал. Я кричу костюмеру «режь!», и перед самым выходом на сцену поскользнулся и выезжаю на пятой точке... Нож в руке, шапка сдвинулась набок. Вскрываю и встаю в позу тореадора. Пауза. Дирижера душит хохот, на его памяти тореадоры еще ни разу не появлялись на сцене таким экзотическим образом.

Думаю, зрители тоже остались довольны.

Зал ревел! После спектакля все артисты по очереди подходили к Симачеву, хлопали его по плечу и говорили: «Твой клоун через два дня танует? Ну-ну... Придем на него посмотреть».

И как ваш «звездный час», состоялся?

В свое время Симачев говорил: «Ты должен вылететь на сцену, как бык, которому в холку воткнули раскаленное железо». Я это усвоил. Стою за кулисами: зубы стучат, колени бьются, в зале полторы тыщи народу... Ужас! Кулисы забиты артистами Большого театра, все пришли смотреть на «клоуна». Я вылетаю на сцену, ослепленный софитами, не чувствуя под собою ног. На площади собрался народ, шляпы взлетают в воздух, за мной мчатся тореадоры... Я бык! Это было сумасшествие! Когда спектакль закончился, все наши звезды поднялись на сцену, чтобы поздравить меня с успехом. Но даже после этого я не стал солистом Большого театра и еще пять лет оставался артистом кордебалета. Отстоял свое с копьем в «Жизели» и придворным в «Спящей красавице». Все четко, по законам армии.

Но на вас уже тогда ставили спектакли! «Золотой век», например.

Дело было так. Григорович сказал: «Мне надо, чтобы вы прыгнули так, как тигр выскакивает из засады... Мы стали накидывать варианты. Звезды показали свою обычную технику — конечно же, высочайшего уровня, а я предложил кое-что другое... Я долго занимался борьбой и каратэ и в плане прыжков собаку съел. Разбежался, перелетел через нашего концертмейстера Диму Котова, упал на спину и лежу. Пауза. Все молчат, думают — надо вызывать скорую. А я бодро так спрашиваю: «Повторить еще раз?» «Не надо!» — завопил Григорович и попросил сделать то же самое, но безопасно, с перекачиванием. Я сделал,

и в результате этот прыжок вошел в спектакль. А так как, кроме меня, его никто не мог исполнить, меня и взяли на роль. Кстати, опыт народного танца я тоже использовал. Мог делать колечки, ползунки, пистолеты — все то, что классики обычно делать не могут. У них ведь совсем другая техника — чуть что, колени болят... Мы творили до двенадцати и до часу ночи, после чего Григорович садился в машину и уезжал, а я с трудом успевал на последнюю электричку в Химки. А одно время жил в военном городке в Куркино. Это сейчас там современный микрорайон, а в 80-м году он представлял собой пустырь, по которому надо было идти пять километров от ближайшей станции. Словом, домой я попадал часа в три, а в семь уже вставал и ехал обратно, потому что в десять начиналась работа в театре. На меня поставили «Золотой век», потом «Раймонду»...

Первая моя поездка за рубеж, в Мексику, оказалась для меня последней — в 85-м году я стал невыездным на долгие четыре года. Жить было не на что. Я снимал квартиру — она стоила сто рублей в месяц, и зарплата моя в театре была такой же. По ночам разгружал вагоны с мороженой рыбой. До сих пор ее ненавижу! Помню, как открывал вагон (сорок две тонны), срывал коробку с пятого этажа, как она рвалась, оттуда выпадали головы мороженого караса и смотрели на меня недоуменными глазами. Я спрашивал: «Ребята, сколько вас еще?»

У вас были враги?

Много чего было в то время... Меня хотели сломать как личность и как артиста. Говорили: «Мы едем в Гранд-Опера танцевать «Золотой век» и «Раймонду». Вылет завтра, паспорт получите в аэропорту». Я собирал чемодан, приезжал в аэропорт, а мне там сообщали: «Таранда? Вы никуда не летите. Но будьте готовы, мы в любой момент можем вас вызвать...» И я вместе с чемоданом из Шереметьево возвращался домой. Едва театр прилетел из Франции, наметились следующие гастроли — в Ковент-Гарден. И опять чемодан, аэропорт, и все повторяется слово в слово. То же самое было с Америкой и с другими странами. В Америке недоумевали: «Где Таранда?» — «Он руку сломал». В Лондоне отвечали, что сломал ногу..

Помню, как я танцевал один в пустом зале Большого. Магнитофона у меня тогда не было, пахал без музыки, поэтому в пустом зале без музыки сейчас не могу находиться — шарканье своих ног слышать не могу... Я не стал хуже танцевать, но сердце мое было закрыто. Я видел зрителей, сидящих в зале, чего не должно быть, если танцуешь сердцем. Озлобился на весь мир и как артист перестал существовать. Но однажды встретил своего друга, экстрасенса, и он посоветовал мне перед выходом на сцену представить, что сверху на меня проливается водопад «Виктория». Я каждый день стоял в этом водопаде — смывал с себя ненужное и только после этого делал шаг на сцену... И озлобленность ушла, моя скорлупа лопнула! Я стал подавать руку врагам и этим ставил их в неудобное положение.

*Семья Гедиминаса
всегда с ним —
на работе
и на отдыхе*

«Я СТАЛ ПОДАВАТЬ РУКУ ВРАГАМ И ЭТИМ СТАВИЛ ИХ В НЕУДОБНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ»

Я с огромным уважением относился ко всем звездам Большого театра — Васильеву, Максимовой, Лавровскому, Плисецкой, Бессмертной... Но они были в разных лагерях. На творческий вечер Владимира Васильева и Екатерины Максимовой из клана Григоровича не пришел никто, кроме меня и моего брата, с которым мы работали вместе. На нас смотрели, как на самоубийц! В 90-х годах я создал свое артистическое агентство «Пилигрим» и трижды делал гастроли балета Большого театра. Руководству Большого показалось, что я представляю для них опасность, и в 93-м году меня уволили, приурочив это к премьере спектакля «Корсар». Был генеральный прогон, я должен был танцевать ведущую партию. Прихожу в театр, а мне говорят: «Вы здесь больше не работаете». Ушел, конечно, никуда не денешься, но ушел с треском. Третий звонок. Дирижер уже в оркестре, занавес закрыт. Я выхожу к зрителям и говорю: «Дорогие друзья, хочу с вами попрощаться. В Большом театре правят чиновники, артист здесь ничто. Но я хочу сказать спасибо нашим замечательным билетерам, спасибо пожарникам, спасибо оркестру и спасибо вам, зрители...» Что началось! Я вернулся за кулисы, а там мой брат дерется с охранниками. Спектакль задержали на целый час. Все это потом показали по телевидению — снимал канал НТВ. Я подал в суд на Большой театр. Посыпалась дирекция, многих поувольняли...

Когда же появился «Имперский русский балет»?

В 93-м году Майя Плисецкая предложила мне организовать свою балетную компанию. И где-то через полгода я собрал команду и придумал название — «Имперский русский балет», а Майе Михайловне предложил стать почетным президентом. В то время я думал, что это — свобода и я могу делать все, что захочу. Поначалу так и было, но с каждым годом становилось все тяжелее и тяжелее. Аренда помещения, пошив костюмов, проживание... За все это нужно заплатить. Поэтому теперь я и менеджер, и продюсер, и педагог, и грузчик... Бывает, что сам подметаю за артистами.

А давнюю свою склонность к совмещению жанров вы как-то воплощаете в жизнь?

Недавно вот решил соединить балет с художественной гимнастикой и придумал шоу — балет и спорт. Уже есть сценарий, декорации — не хватает, как всегда, финансов. И, пока шоу в разработке, я ввожу гимнасток (Юлию Барсукову и Ляйсан Утяшеву) в свои балетные спектакли. Это за пределами интересно! Балет можно соединить с чем угодно, но искать новые пути в искусстве имеет смысл, только если ты сыт и спокоен. Когда есть возможность уйти от мира, закрыться на месяц и придумать что-то интересное и новое. А если постоянно дергаться... За мной ведь пятьдесят душ стоит, и всех я должен накормить и обеспечить. Ты не стал свободным человеком, Таранда!

Лада Ермолинская